

В.К. Щербин

*Центр системного анализа и стратегических исследований
Национальной академии наук Белоруссии*

«СТРАНА БОНДАЛЕТИЯ»: В.Д. БОНДАЛЕТОВ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛЕКТОЛОГИИ

В статье излагается краткая история формирования такого междисциплинарного научного направления, как социолектология. Детально анализируются многочисленные и разнообразные вклады В.Д. Бондалетова в развитие российской социолектологии и социолектографии. Обосновывается вывод об основополагающей роли В.Д. Бондалетова в создании теоретико-методологических основ для формирования позитивной программы развития современной российской социолектологии.

Научное наследие В.Д. Бондалетова, социальный диалект, социолект, социолектология, социолектография, социолингвистика, социология языка.

Среди лингвистов, социологов, философов, представителей других гуманитарных и социальных наук в странах СНГ и дальнего зарубежья заслуженной популярностью пользуются многочисленные (свыше 700 названий!) научные и учебно-методические публикации доктора филологических наук, профессора Пензенского государственного университета Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), посвященные проблемам истории русского языка и его социальных диалектов, русской ономастики, жаргонологии и жаргонографии, теории языка и многих других лингвистических дисциплин и областей языковых знаний. Еще большей привязанностью к трудам и делам этого выдающегося российского лингвиста отличаются те отечественные и зарубежные языковеды, которые знакомы с ним лично и которые, как говорится, на себе ощутили обаяние творческой харизмы этого Великого (в прямом и переносном смыслах!) Ученого и Человека.

Довелось персонально оценить масштаб творческой личности В.Д. Бондалетова и автору данной статьи, когда по счастливому стечению обстоятельств в мае 1990 года на одном из заседаний Международной научной конференции «Славяне: единство и многообразие», проходившей в г. Минске в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры, я оказался на соседнем с Василием Даниловичем стуле и благодаря этому лично познакомился с ним, подарил ему коллективную монографию «Общество – язык – политика» (Минск: Вышэйшая школа, 1988) с моим разделом на тему «Язык и политика» (с. 164–221), получил от него в подарок учебное пособие «Социальная лингвистика» (Москва: Просвещение, 1987), а также обменялся с ним восхищенными оценками содержания только что прослушанного нами пленарного доклада академика О.Н. Трубачева на тему «В поисках единства. III: “А кто там идет?”» (взгляд на этногенез белорусов)¹. В дальнейшем, как это

водится у филологов, обмен мыслями и книжными новинками по интересующей В.Д. Бондалетова и меня научной проблеме (Язык и общество) продолжался еще много лет в почтовом формате.

Поэтому поистине печальной новостью для меня стало знакомство с подготовленной О.В. Никитиным статьей-некрологом «Памяти профессора Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018)» [17]. Тогда же зародилось у меня и желание написать о роли В.Д. Бондалетова в формировании отечественной социолектологии. Данное желание особенно укрепилось после знакомства с книгой «Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета» [26], электронный вариант которой мне любезно предоставил ее ответственный редактор проф. МГОУ О.В. Никитин.

Указанная книга является поистине знаковым явлением не только потому, что в ней опубликованы теплые воспоминания пензенских коллег В.Д. Бондалетова и лично знакомых с ним российских и зарубежных лингвистов о различных сторонах многогранной научной и учебно-методической деятельности патриарха Пензенского государственного университета, в котором В.Д. Бондалетов проработал 66 лет. На мой взгляд, в материалах этой книги (и это ее главная «изюминка»!) просматриваются концептуальные основы нового междисциплинарного направления (социолектологии), формирующегося на стыке таких научных дисциплин, как аргология, дискурсология, жаргонология, криптология (наука о тайных языках), семиотика, социальная диалектология, социология и философия языка. Именно развитие социолектологии стало, по мнению многих исследователей, главным делом жизни В.Д. Бондалетова. См., к примеру, следующее высказывание Л.А. Климовой на эту тему: «Рассмотрение компьютерного языка,

¹ Тезисы указанного доклада О.Н. Трубачева были опубликованы в сборнике тезисов и сообщений научной конференции «Славяне: адзінства і мнагастайнасць» (Минск, 1990. С. 91–93), а полный

текст доклада вошел позднее в книгу О.Н. Трубачева «В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси» (Москва: Наука, 1997. С. 78–129).

компьютерной лексики... вписывалось в основное направление исследований Василием Даниловичем профессионально-производственных подсистем, социолоктов» [12, с. 84].

Еще более развернуто приоритет В.Д. Бондалетова в изучении социолоктов русского языка раскрывает проф. О.В. Никитин, который отмечает главную заслугу В.Д. Бондалетова: он первым из российских лингвистов осознал, «сколько еще пряталось неизвестного в тайниках русского языка! За стройными рядами концепций, объемными томами грамматических сочинений, шумными съездами и конференциями скрывались на просторах нашей древней земли едва переступившие через все революции и потрясения то ли чудесные слова, то ли какие-то отреченные фразы, сказанные мельком, будто таясь огласки. Их «владельцы» охраняли свой мир, не допускали в него чужих людей, приглядываясь к ним с прищуром, и редко отворяли двери своего удивительного словесного терема, в котором происходило особенное действие, недоступное обычному человеку. Это была другая страна... Тогда все жили открытиями в космической науке будущего, ждали их и не помышляли о том, что здесь, в *Бондалетии*, разгораются очаги иного мира» [18, с. 4].

Тот факт, что социолокты (и в их числе тайные и условные языки) сегодня существуют и развиваются не только в русском, но и вообще в любом живом национальном языке, ни у кого не вызывает сомнений. В частности, британский лингвист М.А.К. Халлидей называл такие языковые формы иною, «тайного», мира «анти-языками», описывая их следующим образом: «Анти-языки используют ту же грамматику и слова, что и основное речевое сообщество, но используют их таким отличающимся образом, что они могут быть понятны только инсайдерам» [29, с. 570–584].

Более конкретное понятийное содержание, по свидетельству Х. Вальтера, В.М. Мокиенко и О.И. Фоняковой, вкладывал в метафору «страна Бондалетия» (т. е. место в России, где изучаются тайные языки и иные социолокты) академик АН СССР В.М. Жирмунский, автор одной из первых отечественных книг по социальной диалектологии «Национальный язык и социальные диалекты» (1936): «Многие годы Василий Данилович руководил кафедрой русского языка в Пензенском государственном педагогическом университете имени В.Г. Белинского – в своей «*Бондалетии*» (как когда-то остроумно окрестил окружение будущего профессора акад. В.М. Жирмунский), которая имеет обширную территорию, где живут и работают его ученики и сотрудники, а также бесчисленные носители тайных (а благодаря ему уже ставших и явными) народных аргов» [7, с. 40].

Однако страна – это не только территория и проживающие на ней люди, это еще и законы этой страны, системы путей сообщения и иных коммуникаций в ней, и многое другое (этические нормы бытия и проч.). Василий Данилович знал об этих требованиях не понаслышке и строил свою «Бондалетию» в полном соответствии с регулятивами, содержащимися в программном стихотворении российского историка науки Я.Г. Рокитянского «Угол бытия»:

Не нужно ссориться ни с кем,
Живи, твори, не знай сомнений,
Пусть будет меньше мёртвых схем,
И больше мыслей и стремлений.
Свой угол бытия найди,
И в этом микрореспублике
Наметь законы и пути
И растворишься в его пространстве [23].

Для начала, чтобы упорядочить состав и структуру своего «микрореспублики», В.Д. Бондалетов защитил докторскую диссертацию на тему «Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев» (1966), в которой дал подробную классификацию социальных диалектов русского языка: «В зависимости от природы, назначения, языковых признаков и условий функционирования различаются: 1) собственно профессиональные «языки» (лексические системы), напр., рыболовов, охотников, гончаров, деревообделочников, шерстобитов, сапожников, а также представителей других промыслов и занятий; 2) групповые, или корпоративные, жаргоны, напр., учащихся, студентов, спортсменов, солдат и других, главным образом молодежных, коллективов; 3) условно-профессиональные языки (арго) ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп; 4) условные языки (арго, жаргоны) деклассированных» [4, с. 9–10].

Насколько удачной и обоснованной была классификация социальных диалектов, представленная в докторской диссертации В.Д. Бондалетова, можно судить по тому факту, что даже спустя два десятилетия она сохранилась без изменений в подготовленном В.Д. Бондалетовым учебном пособии «Типология и генезис русских аргов» (1987), в котором выделены следующие типы социальных диалектов:

«1) собственно профессиональные диалекты («подязыки», лексические системы), например речь охотников, рыболовов, ткачей и т.д.;

2) групповые, или корпоративные, жаргоны (особенности речи учащихся, студентов, спортсменов, солдат, матросов и других, преимущественно молодежных, коллективов);

3) условные, или тайные, языки (арго) ремесленников-отходников и торговцев, а также близких к ним социально-профессиональных групп;

4) воровской жаргон («блатная музыка») – речь деклассированных» [5, с. 4–5].

Отдают должное новизне созданной В.Д. Бондалетовым типологии социальных диалектов русского языка и авторы книги «Страна Бондалетия». В частности, профессор МГОУ Л.П. Рупосова пишет об этом следующее: «В.Д. Бондалетов “ворвался” в отечественную и мировую лингвистику со своей, в те времена “неудобной”, темой – социально-профессиональные языки на территории Европейской части СССР. Подобные образования со времен В.И. Даля не замечались, можно сказать, даже игнорировались и не изучались. Но после выступления Василия Даниловича в Москве <...> и выхода его работ стало очевидным, что традиционная картина социального членения русского языка нуждается в серьезной коррекции» [24, с. 128].

Публикации и устные выступления В.Д. Бондалетова о социально-профессиональных языках (социолектах) стали мощным стимулом к уточнению традиционной картины социального членения русского языка для очень многих отечественных гуманитариев, причем не только филологов. К примеру, российский философ Г.М. Кириллов, защитивший докторскую диссертацию на тему «Сущность и экзистенциальные основания медиационного диалога» (Казань, 2018), пишет о влиянии личного общения с В.Д. Бондалетовым на выбор им темы своего диссертационного исследования следующее: «Многое из того, что он рассказывал мне о языке, я понял. Но главное дело его жизни – арго – навсегда останется тайной, ждущей дальнейшего изучения и открытий. Не беда, что сами офени ушли в историю. Их язык (а вернее, языки), благодаря труду, упорству и смелости ученых, уцелел и ждет дальнейшего исследования. Василий Данилович был «поверенным» тайн этих непростых людей, носителем их знания, если хотите, последним из могикан. Уникальный феномен арго, видимо, находится на грани естественного и искусственного языков» [11, с. 66].

На наш взгляд, в указанной статье Г.М. Кириллов весьма уместно рассуждает о диалектике естественного и искусственного в языке и острой необходимости изучения искусственных языков и их наречий: «Спору нет, нынешняя эпоха, по праву носящая название информационной эры, представляет широкий спектр возможностей для коммуникации. Но одновременно язык, как живое существо и человеческое творение, претерпевает неслыханную нагрузку и напряжение. О диалектике естественного и искусственного в языке я и попытался в меру своих сил написать... В процессе работы выяснилось, что искусственные языки весьма многочисленны, существуют столько же, сколько существует человеческая культура, и на место уже исчезнувших приходят все новые “рукотворные” языки. Примета нашего времени – языки Интернет-сообществ, тесно связанные с техносредой и содержащие специфическую наукообразную лексику: язык так называемых каченитов, язык фидонет-сообществ, “олбанское” наречие. Эти языки, хотя они и недолговечны, способны развиваться, они совсем не похожи на мертворожденные гомункулысы первых искусственных языков, вроде волапока и универсаллота. Как быть с ними? Искоренять? Ведь они могут, как все искусственное, повредить живому языку. Поощрять? Ведь это своеобразное проявление свободы мысли, помогающее самовыразиться молодежи. Во всяком случае, надо их изучать. Думаю, что к такому решению я пришел благодаря общению с Василием Даниловичем» (Там же, с. 64).

О необходимости дальнейшей детализации намеченной работами В.Д. Бондалетова картины социального членения русского языка пишет и доктор филологических наук М.Н. Приемьшева, защитившая диссертацию на тему «Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект» (Санкт-Петербург, 2009), материалом для которой «послужили около 350 этнографических, публицистических, ведомственных и собственно лексикографических источников по тайным и условным языкам,

созданных и опубликованных в 1780–1910-е годы на территории Российской империи (включая территории современных Украины, Белоруссии, отчасти Польши). Анализ конкретного материала 48 условных языков торговцев, ремесленников и нищих осуществлялся на базе 77 словарей (более 11500 лексических единиц); раннего воровского арго петербургских воров – на материале 5 словарей (более 600 лексических единиц)» [20, с. 4]. Иными словами, само многообразие источников изучаемого социального материала вынуждало М.Н. Приемьшеву принять такое методологическое решение: «...поскольку изучались широко и письменные источники, пришлось формально расширить и объект исследования: включить и воровское арго, и символические лексические системы религиозно-мистических групп» [21, с. 118].

Можно приводить и другие примеры расширения границ социолектологии за счет а) компьютерных жаргонов геймеров, программистов, хакеров и других групп пользователей ЭВМ; б) различных типов дискурсов (медийных, образовательных, политических, социологических, экономических и др.). См., к примеру, определение потребительского дискурса в статье Ю.М. Фаткабаровой: «Потребительский дискурс – сложная коммуникативная система, организованная лингвистическими и экстраязыковыми элементами, обуславливающими ожидания, установки и поведение многочисленных субъектов взаимодействия: производителей, продавцов, рекламистов, потребителей, юристов, финансовых консультантов и других участников дискурсивных полей, на которые распадается сфера потребления. <...> Потребление стало одной из сфер формирования “объединительного” языка (в терминологии В.Д. Бондалетова), который можно добавить как самостоятельную категорию к выделенным В.Д. Бондалетовым формам существования языка. Механизм функционирования подобного массового языка позволяет отнести его к глобальному арго: язык не имеет фонетической или грамматической системы, возникает стихийно и ясен группе лиц, разделяющих при проявлении в потребительском дискурсе ценности потребления» [28, с. 234].

По вполне понятным причинам подобные расширения парадигмальных границ социолектологии не могли не породить новых классификационных проблем. В частности, формальная «привязка» социолекта просто к той или иной социальной группе, без предварительного определения социального статуса такой группы и отнесения ее социолекта к высокому или низкому регистру таких социолектов (как это делают, к примеру, при определении понятия *социолект* В.И. Беликов и Л.П. Крысин: «Социолектом называют совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе – профессиональной, сословной, возрастной и т.п.» [3, с. 47]), практически уравнивает все социолекты между собой и автоматически придает каждому из них статус профессионального языка либо специального подязыка общелитературного языка.

В качестве примера такого «уравнивания в правах» разнотипных социолектов, весьма отличающихся по своему социальному статусу и лингвистическому регистру, можно привести утверждение Е.Г. Лукаша-

нец о том, что «преступная деятельность – это тоже вид профессиональной деятельности. Кроме того, профессиональный (или, скорее, полупрофессиональный) характер аргота отражается в большом количестве арготизмов, обозначающих приемы, средства, ситуации совершения преступлений, причем эти арготизмы не имеют синонимов в литературном языке» [14, с. 20]. С такой статусной квалификацией воровского аргота принципиально не согласна руководитель группы терминологии и ономастики Института языкознания РАН А.В. Суперанская, которая считает, что «определение воровской речи как профессиональной едва ли правомерно, а признание воровства профессией сомнительно» [27, с. 8].

В свою очередь, попытки со стороны отдельных криминологов «профессионализировать» воровское арготическое и преступные занятия его носителей получили в статье академика Д.С. Лихачева следующую оценку: «В настоящее время нет ни только какой-либо прочной теории аргота, но и ни одного достаточно последовательного и непротиворечивого взгляда, если, впрочем, не считать концепций, созданных этнографами и криминологами, которые, однако, совсем не могут удовлетворить нас с лингвистической стороны» [13, с. 60].

Не остался в стороне от жарких дискуссий о социальном и лингвистическом статусе воровского аргота и В.Д. Бондалетов, который оценивал состояние таких дискуссий следующим образом: «О социальной, лингвистической (словообразование, этимология), психологической, правовой сторонах воровского жаргона и его носителей существует обширная специальная литература, однако социолингвистическая интерпретация этого типа социолекта пока страдает разнобразием» [6, с. 74].

Между тем академик В.М. Жирмунский еще в 1936 г. показал, что от подобного разноречия при интерпретации разнотипных социальных диалектов (социолектов) можно избавиться путем построения их иерархии: «Социальные диалекты, возникающие в результате классовой дифференциации общества, отнюдь не равноправны, и их взаимоотношение не ограничивается механическим сосуществованием: они связаны между собой сложным взаимодействием, иерархическим соподчинением и борьбой, обусловленной общим направлением социального развития данной эпохи и страны» [10, с. 15–16].

Еще более комплексный, междисциплинарный подход к интерпретации воровского аргота предложил академик Д.С. Лихачев: «Мы считаем, что всякое исследование аргота должно строиться с учетом трех моментов: арготическое как факта языка, арготическое как факта мышления и арготическое как факта социально-экономической обусловленности. Только при этих методологических предпосылках можно будет рассчитывать построить теорию аргота, стоящую на уровне достижений современной лингвистики» [13, с. 64].

Если не учитывать отмеченные выше методологические предпосылки и статусные отличия социолектов между собой и от общенационального литературного языка, то мы неминуемо приходим к «уравниванию в правах» разнотипных социолектов, ведущему к разобщению общества, о котором писал

русский этнограф С.А. Арутюнов: «Разобщение общества находит свое выражение, в частности, в появлении различных субкультур со своей идеологией, своими формами внешнего выражения (например, в костюме, в формах поведения), со своими религиозными особенностями и специфическими жаргонами и сленгами. Конечно, появление субкультур не может сопоставляться с наличием субэтнических делений или внутриэтнической дифференциации, но показателем тенденций, препятствующих этнической консолидации, оно, по-видимому, может считаться» [2, с. 43].

В свою очередь, включение в состав социолектов всех без разбора существующих типов дискурса чревато излишними осложнениями картины социального членения русского языка по причинам, указанным в учебном пособии Н.Б. Вахтина и Е.В. Головкин: «Новые дискурсы возникают, а старые исчезают непрерывно. Появление компьютеров породило программистский дискурс, дискурс Интернета и т. д. Дискурс «стиляг» появился в конце 1950-х и исчез к середине 1960-х годов. С падением советской власти в России исчезли дискурсы фарцовщиков, комсомольских работников, замполитов в армии и т. д. <...> Все существующие дискурсы так или иначе взаимосвязаны. Исчезновение старых или появление новых отражается на всех существующих дискурсах. <...> Все дискурсы достаточно сложны, но они совсем не обязательно должны представлять собой нечто величественное и масштабное. Старушки, сидящие на скамейке у подъездов, образуют дискурс точно так же, как и депутаты Думы. <...> Дискурсы могут быть гибридами других дискурсов. <...> Число дискурсов бесконечно. <...> Дискурсы никогда не имеют четких границ. Их границы постоянно изменяются в процессе взаимодействия с другими дискурсами, они никогда не бывают застывшими. Поскольку меняются границы, то меняется и содержание самих дискурсов» [8, с. 266–267].

Показательно, что с аналогичными проблемами (существованием исключительного многообразия искусственных языков и социолектов, острой необходимостью в систематизации и иерархизации этого необъятного социолектного материала и т.п.) сталкиваются социолингвисты и в других странах. В частности, что касается количества существующих в современном мире различных социальных групп, отличающихся между собой в числе прочего своими искусственными языками и социолектами, то, по данным социологов, численность таких групп исчисляется миллиардами единиц: «Социальные группы – это среда, в которой возникают и развиваются коллективные процессы. Совокупная численность человеческих групп на земле превышает численность населения в 1,5–2 раза <...> и доходит до 8–10 млрд. И все это возможно благодаря тому, что один индивид может состоять в 5–6 группах» [25, с. 806]. Именно эту необъятную совокупность социальных групп и их социолектов имел в виду В.Д. Бондалетов, когда в беседе с философом Г.М. Кирилловым говорил о том, что «у языка бесчисленное количество аспектов, функций и парадигм... Далеко не все они изучены до конца, а некоторые вообще по-настоящему не изучались» (См.: [11, с. 64]).

Чтобы упорядочить и систематизировать эту необъятную совокупность существующих в разных языках разнотипных социолектов, зарубежные и отечественные социолингвисты разработали длинный ряд отличающихся между собой по содержанию и форме метапонятий, посредством которых описываются и классифицируются такие социолекты. Назовем в алфавитном порядке, в качестве примеров, некоторые из таких метапонятий: *акролект, антиязык, арг, базилект, гендерлект, геолект, графолект, диалект, дискурс, евролект, жаргон, злоречие, идиолект, интердиалект, интержаргон, искусственный язык, койне, компьютерный социолект, корпоративный жаргон, креолизованный язык, криптолект, лект, лингва франка, мезолект, нациолект, новояз, пиджин, плановый язык, просторечие, профессиональный язык, региолект, сленг, смешанный язык, социальный диалект, социокод, социолект, стандартный язык, стиль, тайноречие, тайный язык, функциональный стиль, условный язык, этнолект, язык для специальных целей, языковой субстандарт* и др.

К сожалению, перечисленные выше ключевые социолингвистические метапонятия редко используются в отечественных работах по социолектологии, в которых преобладают описания многочисленных достижений и количественные данные о том, сколько условных языков и иных социолектов изучено, сколько арготических словарей разных типов издано и т. д. (Кстати, и в области социолектографии В.Д. Бондалетов является бесспорным лидером: им «опубликовано более 20 словарей русских арг» [18, с. 12]). Между тем, как справедливо заметил российский экономист и социолог В.В. Радаев, для любой области исследований «позитивная программа должна строиться не на перечне свершений и взятых количественных рубежей. Она должна начинаться с идентификации *ключевых проблем* и разворачиваться в напряженном поле этих проблем. При этом под “проблемой” я понимаю не просто какие-то общие или частные недостатки, а существенные нестыковки, расхождения в позициях, болезненные разрывы в понимании, которые мешают нам жить и которые приходится преодолевать. А позитивная программа, соответственно, представляет не свод готовых рецептов немедленного и гарантированного излечения от всех болезней, а *совокупность векторов, своего рода ориентиров, показывающих, в каком направлении целесообразно продвигаться*, чтобы преодолеть эти разрывы» [22, с. 25].

Если попытаться сформировать такую позитивную программу для российской социолектологии, то к числу ее ключевых проблем, требующих своего неотложного рассмотрения, на наш взгляд, необходимо будет отнести следующие императивы:

1) острую необходимость реализации междисциплинарного подхода к изучению любого социолекта. При таком междисциплинарном подходе в полной мере учитываются данные лингвистики, психологии, семиотики, социологии, этнологии и других гуманитарных и социальных наук. О необходимости междисциплинарного подхода к изучению социолектов писал не только академик Д.С. Лихачев, рассматривая, например, арг как факт языка, мышления и социально-экономической обусловленности. Но, по

справедливому замечанию М.Н. Приемышевой, «как когда-то легендарный академик А.А. Шахматов размышлял о связи этнологии, политики, языка и национальных особенностей славянских народов и смотрел в этом вопросе далеко вперед, так и наш Василий Данилович буквально прозревал историю – видел и прошлое, и настоящее и даже заглядывал в будущее» [21, с. 123]. В свою очередь, проф. О.В. Никитин отмечал тот факт, что многие наблюдения В.Д. Бондалетова над социолектным материалом не являются сугубо лингвистическими, а имеют глубокий социальный и философский подтекст [16, с. 24–37];

2) непрозрачность и закрытость для внешнего наблюдения социальных структур, использующих свои особые социолекты, с необходимостью предполагает принципиальную включенность наблюдателя в эти структуры и знание им знаков и символов, посредством которых выражается жизненный опыт представителей этих социальных структур. Белорусский социолог В.Л. Абушенко пишет по этому поводу следующее: «...жизненный мир и все, что с ним связано: опыт, а также идеалы и ценности, – ускользает от теоретического схватывания. Ускользает потому, что этот мир жизненного опыта непрозрачен и закрыт для внешнего наблюдателя, для наблюдения с позиции трансцендентального субъекта. Чтобы с ним работать, нужно быть принципиально включенным в эти структуры, понимать их изнутри как активный участник или включенный наблюдатель. <...> Кроме того, закрытость этих структур объясняется еще и тем, что они всегда опосредованы, мы не можем выйти на них напрямую, мы никогда, как бы мы ни осуществляли разные редукции, не прорвемся к ним. Почему? Непрозрачность, неувлечение и закрытость этих структур жизненного опыта связана с тем, что они всегда опосредованы с помощью знаков и символов» [1, с. 397]. Следовательно, неотъемлемыми чертами любого социолектологического исследования должно стать использование методов не только лингвистики, но и социологии, социальной семиотики, когнитивной психологии и др.;

3) необходимость учета при выстраивании отношений между перечисленными выше субстандартными языковыми образованиями (арго, базилект, идиолект, социолект и др.) и общелитературным языком следующих факторов: а) категорий общего, особенного и отдельного. По мнению Т.И. Ерофеевой, «термин “социолект” вписывается в триаду “диалект” (общность территорий), “социолект” (общность страты), “идиолект” (общность языковых актов, дискурса). В философских категориях общего, особенного и отдельного язык есть общее, социолект – особенное, идиолект – отдельное» [9, с. 311]; б) иерархии интересов социальных групп и сообществ, использующих эти субстандартные языковые образования: «наверху интересы всего общества, ниже – коллективные интересы различных общественных групп, в самом низу – частный интерес индивида» [19, с. 215]. Выполнить данное императивное требование в социолектологическом исследовании будет совсем не просто, поскольку оно противоречит положениям доминирующей в большинстве стран мира современной либеральной идеологии, которую А.С. Понарин понимает

как «процедуру разложения всех обществ до уровня несвязанного одноклеточного состояния. Эту одноклеточность представляет либеральный индивид, порвавший все социальные связи и обязательства и выступающий в качестве носителя единственного интереса – своего частнособственнического» [19, с. 189].

Подсказку относительно того, как можно противостоять реализации этой либеральной идеологии в сфере бытования русского языка, нам оставил В.Д. Бондалетов. По свидетельству Л.П. Рупосовой, «он всегда поддерживал тех, кто занимается изучением живой лингвистики. А в его понимании это история письменной культуры, народных традиций и названий, диалектов и всего, что связано с историей науки, стиля образцовых писателей и т. д. Исследование этих опорных проблем, по мнению В.Д. Бондалетова, поможет сохранить в языке облик Отечества с его многоликой географией наречий и социолектов» [24, с. 127];

4) системная потребность во взаимосвязанном с социолектологией развитии социолектографии (теории и практики составления разнотипных словарей социолектов), которая создает фактологическую основу для социолектологических исследований. По мнению В.М. Мокиенко, «научное исследование социолектов во многом начиналось именно с их фиксации и лексикографического описания» [15, с. 76]. И это опережающее развитие социолектографии (по сравнению с социолектологией) должно быть продолжено.

Выводы

Проведенный анализ многочисленных и разнообразных вкладов профессора В.Д. Бондалетова в развитие российской социолектологии и социолектографии позволяет нам сделать следующие выводы:

1) В.Д. Бондалетов фактически выступил первопроходцем в сфере изучения социолектов русского языка, защитив в 1966 году докторскую диссертацию на тему «Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев» и опубликовав целый ряд теоретических (монографии, учебные пособия, научные статьи) и практических (словари по отдельным условным и тайным языкам) работ по проблемам современной социолектологии;

2) созданная В.Д. Бондалетовым в 1966 году классификация социолектов русского языка, усовершенствованная им в 1980-е годы, до сих пор остается наиболее точной и детализированной их типологией и фактически имеет статус классической;

3) на наш взгляд, именно многочисленные и полиаспектные социолингвистические исследования В.Д. Бондалетова заложили теоретико-методологические основы для формирования позитивной программы развития современной российской социолектологии;

4) многократно цитируемая нами книга «Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета» (Пенза, 2019), на наш взгляд, предоставляет в распоряжение своих читателей полиаспектное описа-

ние истории формирования, новейших достижений и существующих проблем российской социолектологии, а значит, вполне может рассматриваться в качестве по-настоящему академического введения в эту непростую область современной социолингвистики.

Литература

1. Абушенко, В. Л. Современная социология: проблемы, рамки, основания / В. Л. Абушенко. – Минск : Экономпресс, 2016. – 502 с.
2. Арутюнов, С. А. Этнические процессы и язык / С. А. Арутюнов // Расы и народы: Ежегодник. – 1985. – № 15. – Москва : Наука, 1986. – С. 30–56.
3. Беликов, В. И. Социолингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : РГГУ, 2001. – 439 с.
4. Бондалетов, В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / В. Д. Бондалетов. – Ленинград : ЛГУ, 1966. – 28 с.
5. Бондалетов, В. Д. Типология и генезис русских арго: учебное пособие к спецкурсу / В. Д. Бондалетов. – Рязань : РГПИ имени С. А. Есенина, 1987. – 82 с.
6. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика : учебное пособие для студентов педагогических институтов / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1987. – 160 с.
7. Вальтер, Х. Памяти Василия Даниловича Бондалетова / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, О. И. Фоянова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 36–40.
8. Вахтин, Н. Б. Социолингвистика и социология языка : учебное пособие / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
9. Ерофеева, Т. И. Идиолект и социолект как объект изучения социальной дифференциации языка / Т. И. Ерофеева // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов Международной конференции (Москва, 23–25 октября 2001 г.). – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 310–311.
10. Жирмунский, В. Национальный язык и социальные диалекты / В. Жирмунский. – Ленинград : Художественная литература, 1936. – 299 с.
11. Кириллов, Г. М. Диалог должен продолжаться / Г. М. Кириллов // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 57–67.
12. Климова, Л. А. С благодарностью... / Л. А. Климова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 82–88.
13. Лихачев, Д. С. Психология арго / Д. С. Лихачев // Россия – Восток – Запад : Сборник статей / ответственный редактор Н. И. Толстой. – Москва : Наследие, 1998. – С. 60–84.
14. Лукашанец, Е. Г. Словообразовательная система русского арго и проблемы ее описания / Е. Г. Лукашанец. – Минск : МГЛУ, 2007. – 300 с.

15. Мокшенко, В. М. Социолекты в зеркале лексикографии / В. М. Мокшенко // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2. – С. 76–93.
16. Никитин, О. В. Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических микросистем проф. В.Д. Бондалетова) / О. В. Никитин // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 19–20 мая 1998 г.). – Смоленск, 1998. – Ч. 2. – С. 24–37.
17. Никитин, О. В. Памяти профессора Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018) / О. В. Никитин // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2018. – № 4. – С. 108–112.
18. Никитин, О. В. Профессор тайноречия / О. В. Никитин // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 3–15.
19. Панарин, А. С. Народ без элиты / А. С. Панарин. – Москва : Алгоритм : Эксмо, 2006. – 352 с.
20. Приемышева, М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в.: историко-лингвистический аспект : автореферат диссертации доктора филологических наук / Приемышева М. Н. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2009. – 42 с.
21. Приемышева, М. Н. Одна маленькая история о «тайных языках»... / М. Н. Приемышева // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – С. 117–125.
22. Радаев, В. В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? / В. В. Радаев // Социс. – 2008. – № 7. – С. 24–33.
23. Рокитянский, Я. Г. Восемь ступенек: стихотворные миниатюры / Я. Г. Рокитянский. – Москва : Academia, 2005. – 216 с. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/record/01002672683>. – Текст: электронный.
24. Рупосова, Л. П. Человек-открытие (детали к портрету В.Д. Бондалетова) / Л. П. Рупосова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – С. 126–130.
25. Социальные группы // Культура и культурология: Словарь / составитель и редактор А. И. Кравченко. – Москва : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. – С. 806.
26. Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А. Ю., 2019. – 264 с.
27. Суперанская, А. В. Русский язык начала XXI века / А. В. Суперанская // Журналистика и культура русской речи. – 2007. – № 3. – С. 4–17.
28. Фаткабарова, Ю. М. ««Пришивая ярлык, не уколись», или особенности перевода языка потребительского дискурса с английского на русский» / Ю. М. Фаткабарова // Страна Бондалетия: Сборник памяти Василия Даниловича Бондалетова (1928–2018), российского лингвиста, профессора Пензенского государственного университета / составитель Л. С. Кириллова, Е. Ф. Шустикова, Г. М. Кириллов ; ответственный редактор О. В. Никитин. – Пенза : ИП Соколов А.Ю., 2019. – С. 233–240.
29. Halliday, M. A. K. Anti-Languages / M. A. K. Halliday // American Anthropologist. – 1976. – Vol. 78, № 3. – P. 570–584.

V.K. Shcherbin

V.D. BONDALETOV'S ROLE IN RUSSIAN SOCIOLECTOLOGY DEVELOPMENT

The article considers a brief history of the formation of such an interdisciplinary scientific branch as sociolectology. The author gives a detailed analysis of the numerous and diverse contributions of V.D. Bondaletov to the development of Russian sociolectology and sociolectography. The article emphasizes the key role of V.D. Bondaletov in creation of theoretic-methodological fundamentals to form a positive development program for contemporary Russian sociolectology.

Scientific heritage of V.D. Bondaletov, social dialect, sociolect, sociolectology, sociolectography, sociolinguistics, sociology of language.